



Б. Н. ТИХОМИРОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ НАБРОСОК ДОСТОЕВСКОГО К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ ЗАМЫСЛУ («Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое»)

Мы имеем чрезвычайное преимущество перед Европой [потом(у)] в том, что мы [з] ее знаем, а она нас не знает (так приготовилось)

— Это преимущество (доказать)

— Донесение Бутакова 8-го Июля «Моск(овские) ведом(ости)». Султан говорит о цивилизации и победе.

— Лебле (дело Мещерского). Настоящий Русск(ий) Дух и цивилизация.

Максимилиан. (Русские за границей) гнусенькая будировка. Как злы и самолюбив(ы). Тихон Задонск(ий).

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 212, I. 5, л. 3. Содержится в рабочей тетради с подготовительными материалами к романам «Преступление и наказание» и «Идиот», наброском к неосуществленному замыслу «Ростовщик». Датируется по содержанию июлем (не ранее 8) 1867 года.

Публикуемый текст (заметки к статье публицистического характера) представляет собой единственный сохранившийся творческий набросок Достоевского периода между завершением работы над «Преступлением и наказанием» (декабрь 1866 года) и началом работы над «Идиотом» (сентябрь 1867 года).¹ В этой же рабочей тетради (с. 134) находится запись: «26 февр(аля)(9 мар(та)) (18)68. Идея критического журнала, необходимого теперь» (27, 99), — которую исследователи рассматривают в качестве

¹ Известно также, что в мае—сентябре 1867 года Достоевский писал мемуарный очерк «Знакомство мое с Белинским», но ни окончательный текст очерка, отосланный писателем в Россию, ни черновые наброски к нему не сохранились. См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1994. Т. 2. С. 111—136; также см.: 27, 175.

одного из ранних свидетельств возникновения у Достоевского замысла будущего «Дневника писателя». Публикуемый набросок позволяет считать, что замысел подобного публицистического издания возник и материалы к нему начали собираться уже летом 1867 года.

В письме к А. Н. Майкову из Женевы от 16/28 августа 1867 года Достоевский сообщал: «Много накопилось впечатлений. Читал русские газеты и отводил душу. Почувствовал в себе наконец, что материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое. (...) Немцы мне расстроивали нервы, а наша русская жизнь нашего верхнего слоя и их вера в Европу и *цивилизацию* тоже» (28₂, 205—206). Публикуемый набросок, бесспорно, должен быть непосредственно отнесен к этому публицистическому замыслу и свидетельствует, что писатель уже приступил (хотя бы первоначально) к его разработке на материале «текущей действительности». Далее, в этом же письме к Майкову, где Достоевский конкретизирует некоторые идеи задуманной статьи, мы находим и буквальные переключки с публикуемым наброском. Ср., например: «Еще более убедился я тоже в моей прежней идее: что отчасти и выгодно нам, что Европа нас не знает и так гнусно не знает» (28₂, 206).

Источники отдельных записей, составляющих набросок, обнаруживаются как в газетных публикациях июня—июля 1867 года, так, возможно, и во впечатлениях от некоторых личных встреч и разговоров Достоевского этого времени. В указанном номере «Московских ведомостей» за 8 июля 1867 года приведена перепечатанная из «Кронштадтского вестника» выписка из донесения капитана 1-го ранга Г. И. Бутакова, командующего фрегатом «Генерал-адмирал», об увиденных русскими моряками во время посещения одного из портов Кипра бесчинствах турецких солдат по отношению к местному христианскому населению: «...солдаты, по неимению вьючного скота, палками сгоняли христиан и вьючили на них тюки от 5 до 7 пуд(ов); многие, не будучи в силах выдерживать такую тяжесть, падали на землю; их били палками и подкалывали штыками, приговаривая в то же время: „Пусть неверные собаки сегодня таскают тяжести, а завтра мы их перережем...”». Достоевский, возможно, обратил внимание и на другую, более раннюю перепечатку «Московскими ведомостями» (от 28 июня 1867 года) выписок из донесения капитана Бутакова, где приводились еще более впечатляющие свидетельства: «Где только прошла оттоманская армия, не осталось ни одного дома, ни одного оливкового дерева; пашни сожжены, монастыри и церкви разграблены и поруганы, их превращали в конюшни и отхожие места; дряхлые старцы и семейства, не бывшие в силах уйти в горы, подвергались самому зверскому обращению. Детей резали в руках матерей, а других бросали в огонь». Как кажется, эти строки — наиболее раннее свидетельство интереса Достоевского к материалу, который позднее будет

в центре целой серии его публикаций в «Дневнике писателя» 1876—1877 годов (см., например: 25, 218—223), а также получит отклик в «Братьях Карамазовых» (см.: 14, 217).

Но в контексте замысла статьи об отношениях России и Европы этот материал, видимо, привлек внимание Достоевского в связи с совершающимся в эти же дни путешествием в Европу турецкого султана Абдул-Азиза и особенно с тем торжественным приемом, который был оказан ему в Париже и Лондоне (например, во время смотра английского флота, устроенного по случаю приема Абдул-Азиза, как писал обозреватель газеты «Голос» в номере от того же 8 июля 1867 года, «королева Виктория пожаловала султану орден подвязки»). Кстати, промусульманская, протурецкая политика западных держав, особенно Англии, на Балканах также будет вскоре одним из лейтмотивов публицистики «Дневника писателя» (ср.: «Лорд Биконсфильд, а за ним и все Биконсфильды, и наши и европейские, зажали уши себе и закрыли глаза на зверства и муки, которым подвергаются целые племена людей (на Балканах. — *Б. Т.*), и изменили Христу — ради „интересов цивилизации“ (...) ради интересов старой загнивающей цивилизации» — 25, 124; ср.: 23, 62, 108—111; 25, 44, 48; 26, 76—77). Скорее всего, именно этот аспект намечен в строках публикуемого наброска: «Султан говорит о цивилизации (...). Настоящий Русск(ий) Дух и цивилизация». В более же конкретном плане первая запись Достоевского, видимо, была вызвана сообщением о речи одного из приближенных Абдул-Азиза — Фауда-паши на обеде, данном в его честь правлением парижского банка, где Фауд-паша «объявил, что султан был приятно поражен великолепным зрелищем французской цивилизации» (Голос. 1867. 2/14 июля).

Здесь же, именно в этом пункте, усматривается и возможная связь с другой темой наброска: «Русские за границей». В мае—июне 1867 года в Дрездене Достоевский встретился с П. А. Висковатым, которого в упомянутом письме к Майкову он характеризует как «одного *русского*, который живет *за границей* (курсив мой. — *Б. Т.*) постоянно, в Россию ездит каждый год недели на три получить доход и возвращается опять в Германию, где у него жена и дети, все онемечились» (28, 206). Разговор Достоевского с Висковатым передан в письме так: «Между прочим, спросил его: „Для чего, собственно, он экспатрировался?“ Он буквально (и с раздраженной наглостью) отвечал: „Здесь цивилизация, а у нас варварство (...). Цивилизация должна сравнять все, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские“» (там же). Подобная стычка, как следует из этого же письма к Майкову, произошла у Достоевского чуть позднее, 28 июня 1867 года, в Бадене с И. С. Тургеневым (отметим, что именно в этот день «Московские ведомости» публикуют первую выписку из донесения Бутакова). «Между прочим, Тургенев говорил (...), что есть одна общая всем дорога и неминуемая — это *цивилизация*

и что все попытки *руссизма и самостоятельности* (курсив мой. — Б. Т.) — свинство и глупость» (28₂, 211). Можно предположить, что характеристика в наброске «русских за границей»: «гнусенькая будировка. Как злы и самолюбивы» — не в последнюю очередь имеет в виду и этих двух оппонентов Достоевского — Тургенева и Висковатова.

Характерно в этом контексте и появление в наброске имени архиерея Тихона Задонского, русского святого XVIII в., — очевидно, как наиболее полного, с точки зрения писателя, выражения «настоящего русского духа». О значении личности святителя Тихона в творчестве Достоевского написано уже немало (см., в частности, комментарии в ПСС к неосуществленному замыслу «Жития великого грешника», к романам «Бесы» и «Братья Карамазовы»). Но до сих пор считалось, что имя Тихона Задонского впервые появляется под пером Достоевского лишь весной 1870 года (см.: 29₁, 118, также см.: 9, 138—139).² Публикуемый набросок отодвигает эту дату почти на три года назад — лето 1867 года.

Сложнее поддается истолкованию смысл появления в замысле других имен собственных. Впрочем, имя эрцгерцога Максимилиана — императора Мексики, расстрелянного 7/19 июня 1867 года повстанцами-республиканцами, сторонниками президента Хуареса, — не сходило летом этого года со страниц всех европейских и русских газет и попало в набросок непосредственно из них. Согласно стенографическому дневнику А. Г. Достоевской, «подробности о смерти Максимилиана» писатель читал в «русских газетах» 5/17 июля.³ В отмеченном самим Достоевским номере «Московских ведомостей» от 8 июля в заметке парижского обозревателя (подпись: N) в едином контексте рассказывалось о реакции в столице Франции на известие о казни императора Максимилиана и о приеме турецкого султана: прием султана мог бы быть еще более пышным, если бы не траур по Максимилиану.

Появление в наброске имени студента Лебле, возможно, намечает другой аспект этого публицистического замысла, также характерный для будущего «Дневника писателя». Развивая в письме к Майкову идеи статьи об отношениях России и Европы, писатель продолжает: «Россия тоже отсюда выпуклее кажется нашему брату. Необыкновенный факт состоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ (хотя бы только одной судебной)» (28₂, 206). Публикация в «Голосе» от 4/16 июля заметки о состоявшемся в московском мировом суде слушании по делу «Об оскорблении студента Лебле

² А в публицистическом контексте — и того позднее, в 1876 году (см.: 22, 43). Показательно также, что в черновых набросках к «Дневнику писателя» 1876 года имя Тихона неизменно возникает рядом с именем героя тургеневского «Дыма» Потугина (см.: 22, 153, 154, 186). «Русский европеец» Потугин и Тихон Задонский — это для Достоевского два противоположных «полюса» русской жизни.

³ См.: *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года*. М., 1993. С. 145.

генералом Казаковым», видимо, привлекла Достоевского чувством собственного достоинства, обнаружившимся в униженном и оскорбленном «маленьком» человеке, а также — в не меньшей степени — решением суда о взыскании с генерала А. Б. Казакова, «одного из строителей орловско-витебской железной дороги», штрафа в размере 100 рублей в пользу истца — нищего студента, — то есть торжеством в новых судах справедливости, принятием решений «не взирая на лица». Возможную связь этого материала с общим замыслом статьи, по-видимому, обнаруживает суждение Достоевского в позднейшем, от 18 февраля / 1 марта 1868 года, письме к тому же А. Н. Майкову: «Об судах наших (по всему тому, что читал), вот какое составил понятие: нравственная сущность нашего судьи и, главное, нашего присяжного — выше европейского бесконечно: на преступника смотрят христиански. Русские изменники заграничные даже в этом согласны (...) наша сущность, в этом отношении, бесконечно выше европейской» (28₂, 260).⁴

По аналогии с процессом Казакова—Лебле вспоминает Достоевский и «дело Мещерского». Яростный противник реформ, князь В. П. Мещерский занимал по отношению к суду присяжных позицию, диаметрально противоположную позиции Достоевского. В своих позднейших мемуарах, в главе «1867 год», он пишет «об умышленном либеральном образе действий вновь учрежденных мировых судей, сразу поставивших себе ребяческую задачу обратить на себя внимание умышленным проявлением неуважения к лицам мало-мальски знатым или имеющим право на известный почет и уважение». «Ходили и рассказы о том, — продолжает Мещерский далее, — как мировые судьи, требуя к себе в камеры генералов, сановников, позволяли себе их заставлять сидеть на скамьях вместе с их лакеями».⁵ В качестве иллюстрации князь Мещерский приводит и свое собственное «дело»: «Что толки эти имели основание, я в этом лично убедился, когда меня *по иску моего слуги* (курсив мой. — Б. Т.), с которого я удержал из жалованья 3 рубля за разбитую посуду, потребовал к себе в камеру знаменитый своею шумною игрою в либерализм старик мировой судья Трофимов, (...) про которого говорили: он добрый старик, был всегда консерватор, а когда его избрали в мировые судьи, он вдруг помешался на том, что надо быть дерзким и грубым относительно всякого, похожего с виду

⁴ Впрочем, газетные публикации о судах присяжных, о множественных оправдательных приговорах по тяжким уголовным преступлениям вскоре стали вызывать у Достоевского прямо противоположное впечатление: «И хотя бы все эти случаи оправдывались состраданием, жалостью: то-то и есть, что не понимал я причин оправдания, путался. Впечатление выносилось смутное и — почти оскорбительное. В эти злые минуты мне представлялась иногда Россия какой-то трясиной, болотом, на котором кто-то затеял строить дворец» (21, 19).

⁵ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Часть вторая: (1865—1881). СПб., 1898. С. 79.

на барина. Разумеется, он меня присудил к возврату 3 рублей и к судебным издержкам».⁶

Таким образом, в публикуемом наброске Достоевского, в высшей степени лаконичном по объему, оказались предвосхищены почти все важнейшие темы его публицистики 1870-х годов: отношения России и Европы, восточный вопрос, русские европейцы, народный дух, православные идеалы (Тихон Задонский), мировая политика (Максимилиан) и текущая уголовная хроника (Лебле, Мещерский). Поистине, перед нами не просто локальная запись, но — своеобразный «росток» будущего «Дневника писателя» в целом.

⁶ Там же. С. 79—80.

ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ 1847—1881 ГОДОВ»

(Публикация Б. Н. Тихомирова)

А. М. Достоевскому

Дорогому, но редко видимому брату Андрею Михайловичу от автора

8 сентября / 72 года.

На оборотной стороне фотографической карточки. Фотография В. Лауфферта (СПб. Бол. Морская, № 32). 1872.

Печатается по автографу: ЦГАЛИ (СПб.), ф. 85, оп. 1, № 141/3.

Фотография с дарственной надписью подарена младшему брату Андрею во время его приезда по делам службы из Ярославля в Петербург. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» встреча братьев зарегистрирована под 9 сентября: «У Д. на обеде — А. М. и Н. М. Достоевские» (СПб., 1993. Т. 2. С. 319). Конечно, можно допустить, что они встречались и накануне — 8 сентября, когда и была подарена настоящая фотография. Но, скорее, это одна и та же встреча. В Записной тетради 1872 года к роману «Бесы» под рубрикой «Дневник» Достоевский помечает: «10 сентября. Письмо от Владиславлева и зов на крестины. Был Страхов, обедал. Вчера обедали брат Андрей и Коля» (27, 105). Именно на этот текст и ссылаются составители «Летописи». Однако названное здесь письмо М. И. Владиславлева датировано отнюдь не 10, а 9 сентября (см.: Летопись. С. 319). Можно предположить, зная обыкновение Достоевского работать по ночам, что запись в рабочей тетради сделана в ночь с 9 на 10 (формально — 10-го) сентября. В таком случае «вчера» как раз и будет 8 сентября — в соответствии с датой, проставленной на фотографии.